

О.В. Миллер

К истории изучения поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»: полемиические заметки¹

Аннотация: Статья посвящена одному из самых спорных вопросов в лермонтоведении – творческому статусу последних трех редакций поэмы «Демон». Автор опирается на факт цензурного разрешения от 11 марта 1839 г. на печатание поэмы, не повлиявший, однако, на решение Лермонтова не публиковать произведение. В статье рассматриваются возможные причины сдержанности поэта и в связи с этим сопоставляются ключевые описания в 6-й и последующих редакциях. На основании сравнения автор делает вывод, что 6-я, «лопухинская» редакция не является окончательной и выражающей в полной мере замысел Лермонтова, поскольку в декабре 1838 – начале 1839 г. в поэму вносились принципиальные смысловые изменения.

Ключевые слова: Лермонтов, поэма «Демон», редакции, цензурное разрешение, изменения, авторский замысел, смысл поэмы

Abstract: The article is devoted to one of the most disputable issues for researchers studying the literary works of Lermontov – the status of the last three editions of the poem «Demon». The author relies on the fact that despite censorship permission to publish the poem was granted of March 11, 1839, it didn't change Lermontov's decision not to put this text in print. The article discusses reasons for poet's reluctance and, in connection with it, compares the key differences between the 6th and subsequent editions. Based on that comparison, the author concludes that though the 6th, Lopukhina's' edition was published posthumously and is considered to be the most canonic text, it does not in fact reflect Lermontov's conception to full extend.

Key words: Lermontov, «Demon», editions, censorship permission, changes, the author's conception, the meaning of the poem

---

¹ Статья написана в рамках работы по проекту «Концептуальные основы современного лермонтоведения»; грант РГНФ № 15-04-00498.

Несмотря на многочисленные работы, посвященные изучению поэмы «Демон», некоторые вопросы нельзя считать до конца решенными. Они вызывают разноречивые мнения, выливаются в длительные дискуссии. Многого требует уточнения.

Известно, что Демон занимал Лермонтова с самых ранних лет. Уже в первых творческих тетрадах появляются наброски этого сюжета, образ Демона проникает в лирические стихотворения, захватывает воображение юного поэта.

В годы зрелого творчества поэт не расстается со своим заветным замыслом, появляются все новые редакции, в текст вносятся многочисленные исправления и дополнения.

Но при жизни Лермонтова «Демон» так и не был напечатан. Долгое время лермонтоведы относили такое положение к цензурным условиям.

Новый поворот в этом вопросе произвела находка В.Э. Вацуру в РГИА (Ф. 777. Оп. 27. Ед. хр. 203) в Реестре рукописей и книг, поступивших в Санкт-Петербургский цензурный комитет в 1839 г. (1), где имеется запись: «Демон», восточная повесть на 70 страницах, поступившая 7 марта от г. Карамзина». Несомненно, В.Н. Карамзин подавал в цензурный комитет поэму Лермонтова, хотя имя поэта в «Реестре» не упоминается.

Итак, «Демон» был разрешен цензурой 11 марта 1839 г. После этой публикации в литературе о Лермонтове упоминается о желании поэта печатать поэму как о несомненном факте. Но действительно ли у Лермонтова было такое намерение? Этот вопрос требует рассмотрения.

Возможно, передача рукописи в цензурный комитет В.Н. Карамзиным преследовала цель беспрепятственного получения разрешения. Но Лермонтов уже не был в это время опальным поэтом, если учесть, что всего месяц назад поэма была прочитана при дворе, а в январе он был приглашен во дворец на свадьбу А.Г. Столыпина. Скорее надо предположить, что Карамзины по своей инициативе и, возможно, без ведома Лермонтова хотели видеть поэму в печати. Вероятно, этому предшествовали уговоры, выдвигались доводы о необходимости противопоставить последнюю редакцию многочисленным спискам, часто контаминированным, имеющим в основе ранние редакции поэмы. Но и после получения цензурного разрешения Лермонтов «Демона» в печать не отдавал. Труднее всего, конечно, было отказать А.А. Краевскому, который готов был в нескольких номерах «Отечественных записок» печатать поэму частями. Лермонтов выдвигал крайне неудобное для журнала требование весь текст поместить одном номере [2: 205], а потом объявил Краевскому, что у него нет текста: отдал якобы читать и ему не вернули.

В.Э. Вацуру ссылается на предписание министра С.С. Уварова о том, что все сочинения «духовного содержания в какой бы то ни было мере» должны поступать не только в светскую, но и духовную цензуру [1: 177]. Если учесть, что это постановление было подписано в конце августа, то возможность воспользоваться мартовским разрешением в течение весны и лета существовала. Кроме того, именно в октябре Краевский жаловался И.И. Панаеву: «Лермон-

тов отдал бабам читать своего “Демона”, из которого я хотел напечатать отрывки, и бабы черт знает куда дели его...» [3: 321]. Значит, предписание Уварова Краевского не пугало. Видимо, Лермонтов слукавил: 24 октября «Демона» читал В.А. Жуковский [3: 321], так что текст у него был.

Скорее, причина, по которой он не хотел отдавать в печать поэму, была другой и лежала совсем в другой плоскости.

Прежде всего, надо принять во внимание особое отношение к ней автора. Это было что-то глубоко личное, сокровенное. Недаром герой поэмы проникает в лирику Лермонтова, соотносится с автором, который признает какое-то родство с ним. Ни об одном из своих персонажей Лермонтов не мог бы сказать:

Мой юный ум, бывало, возмущал
Могучий образ; меж иных видений
Как царь, немой и гордый, он сиял
Такой волшебной-сладкой красотой
Что было страшно... [4: 174]

Услышать поверхностные суждения о своем Демоне, недоуменные вопросы, снисходительные замечания, – а это было неизбежно, если бы поэма появилась в печати, – Лермонтову было невыносимо. Возможно, он колебался, медлил, но печатать поэму так и не отдал.

Есть еще один спорный вопрос, на котором хотелось бы остановиться. Это природа тех изменений, которые отличают последнюю редакцию от шестой, «лопухинской».

Уже привычным стало толкование их как проявление автоцензуры, вызванной необходимостью сделать поэму приемлемой для печати или необходимостью представить поэму для чтения при дворе.

Поэтому особую важность приобретает выяснение вопроса, когда и какие изменения вносил Лермонтов в свой замысел.

Хорошо известно, когда состоялось чтение «Демона» при дворе – 8, 9, 10 февраля 1839 г. Трудно представить, что Лермонтов, узнав о желании императрицы, медлил с отправкой поэмы в течение двух месяцев. Конечно, он еще раз пересмотрел текст, отдал переписать его каллиграфически, но вряд ли для этого потребовался такой длительный срок. Значит, редакция 4 декабря 1838 г. была создана раньше независимо от предстоящего чтения поэмы во дворце. Это седьмая редакция. Здесь уже есть и клятва Демона и описание мертвой Тамары, соответствующее уже последней редакции, финал же не отличается от шестой редакции.

В этом плане важное значение имеет свидетельство В.Р. Зотова, писателя, поэта, журналиста. В 1887 г. он переслал в Лермонтовский музей при Николаевском кавалерийском училище принадлежавший ему список «Демона». В сопроводительном письме он писал начальнику Кавалерийского училища А.А. Бильдерингу, что список этот «снят с рукописи, ходившей по рукам в Царскосельском лицее в 1838 году» [5: 48]. В этот список, в деталях

сильно отличающийся от седьмой редакции, уже вошли и клятва Демона, и описание мертвой Тамары, и сцена поражения Демона в соответствии с последней редакцией. Следовательно, если Зотов не ошибался, а он с уверенностью называет именно 1838 г., эти элементы текста были уже хорошо известны в этом году.

Таким образом, можно с уверенностью сделать вывод, что эта переработка текста отражает авторский замысел, а не уступку важным обстоятельствам.

С этим решительно не соглашаются некоторые исследователи, которые настаивают на признании шестой редакции как основной и окончательной.

Д.А. Гиреев [9: 33] считал, что текст шестой редакции следует считать окончательным потому, что последующая переработка снимает бунтарский пафос поэмы, искажает мысль автора. В подтверждение своего мнения исследователь указывал на «лопухинский» список как на единственный несомненный источник текста.

Т.А. Иванова придерживалась мнения, что новое окончание «Демона» вносит «чуждую замыслу поэмы “идею божественной справедливости”» [6: 142].

При этом даже те исследователи, которые признают самоценность финала восьмой редакции, исходят не из смысла, вложенного в него Лермонтовым, а руководствуются внешним исследованием рукописей.

Э.Э. Найдич в комментарии к поэме так обосновывал необходимость не останавливаться на шестой редакции: «Переработка поэмы в 1838–1839 гг. представляет сложный творческий процесс; его нельзя свести к приспособлению поэмы к цензурным условиям. Устраняя некоторые строки, недопустимые с точки зрения цензуры, Лермонтов вместе с тем изменил сюжет, отдельные части текста, обогатил характеристики и описания, отшлифовав произведение в целом. При переделке поэмы возникли новые монологи Демона, ставшие выдающимися достижениями русской поэзии. Поэтому возвращаться к шестой редакции “Демона”, отвергнув позднейшие, как это предлагают некоторые исследователи, невозможно» [8: 340].

Как видим, доводы «защитников» восьмой редакции носят скорее формальный характер.

Все это заставляет еще раз проанализировать побуждения автора, заставившие его внести радикальные изменения в первоначальный замысел.

Об изменении замысла можно судить, уже сопоставив описание мертвой Тамары в двух редакциях.

В «лопухинской» редакции:
Улыбка странная застыла,
Едва мелькнувши на устах,
Но темен, как сама могила,
Печальный смысл улыбки той:
Что в ней? Насмешка ль над судьбой,
Непобедимое ль сомненье?
Иль с небом гордая вражда? [4: 305]

Здесь чувствуется явный намек на то, что Демон «наложил печать свою» на сердце Тамары. В последней редакции соответствующие строки звучат иначе:

Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ее устам.
О многом грустном говорила
Она внимательным глазам:
В ней было хладное презренье
Души, готовой отцвести,
Последней мысли выраженье,
Земли беззвучное прости. [4: 213]

Это только печать смерти, никакого отзвука власти Демона. Это уже его поражение, поражение в любви. Этим подготовлен ужас Тамары перед Демоном в заключительной сцене, ее преданность Ангелу, посланнику небес.

Скорее всего, Лермонтова не удовлетворяла эта сцена в шестой редакции. Демон, уже как будто не могучий, гордый, дерзкий, легко принимает свое поражение:

Когда ж он пред собой увидел
Все, что любил и ненавидел,
Он шумно мимо промелькнул
И, взор пронзительный кидая,
После потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул. [4: 307]

В последней редакции поражение терпит Демон, полный неукротимых страстей, гордый и дерзкий, вынужденный уступить только непреодолимым силам:

Он был могущ, как вихрь шумный,
Блистал, как молнии струя,
И гордо в дерзости безумной
Он говорил: «Она моя!» [4: 215]

Здесь уместно вспомнить точную формулировку Д.Е. Максимова: «Лермонтов не идеализирует Демона, он его поэтизирует».

Поэтому поражение Демона не развенчивает его, не снижает его образ, а только заставляет сильнее почувствовать его трагедию, трагедию одиночества и безнадежности.

Таким образом, в последней редакции со всей полнотой нашел выражением замысел Лермонтова, естественно завершающий итог его творческих исканий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вацуро В.Э. О Лермонтове. М., 2008. С. 175–179.
2. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1899.

3. Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М., 2003.
4. Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6 т. Т. 4. М.; Л., 1955.
5. М.Ю. Лермонтов. Сводный каталог материалов из собраний Пушкинского Дома. СПб., 2014.
6. Иванова Т.А. Посмертная судьба поэта. М., 1967.
7. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1969–1981.
8. Удодов Б.Т. М.Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973.
9. Гиреев Д.А. Поэма М.Ю. Лермонтова «Демон»: Творческая история и текстологический анализ. Орджоникидзе, 1958.

Сведения об авторе:

Ольга Валентиновна Миллер,
ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).

Автор и составитель библиографических пособий,
учитывающих всю литературу о М.Ю. Лермонтове,
изданную в нашей стране и за рубежом с 1825 по 2001 г.

Автор статей в области лермонтоведения.

Член редакционной коллегии «Лермонтовской энциклопедии» и
редакционного совета «Лермонтовских чтений» в Санкт-Петербурге».

Olga V. Miller,
Russian Literature Institute
of the Russian Science Academy
(the Pushkin House) in St. Petersburg,
the author and compiler of bibliographical
reference books where all the literature
on Lermontov published in Russia and abroad
from 1825 to 2001 is registered.
She has published articles in the field of Lermontov studies.
Ms. Miller is a member of the Editorial Board of the *Lermontov Encyclopedia*
and the *Lermontov Readings* in St. Petersburg.